

Невежин Петр Михайлович

Озлобленные. Роман

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
ПЗ0

ПЗ0 **Петр Михайлович Н.**
Озобленные. Роман / Нежежин Петр Михайлович – М.: Книга по Требованию,
2025. – 763 с.

ISBN 978-5-519-98737-0

ISBN 978-5-519-98737-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2025

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

I.

У огромнаго письменнаго стола, обставленнаго старинными вещами, сидѣлъ въ глубокой задумчивости Левъ Сергѣевичъ Чемарцевъ. Это былъ очень пожилой, сановитый баринъ, съ бритыми усами и подбородкомъ, по сторонамъ котораго опускались длинные, сѣдые бакенбарды. Правильныя черты лица, большіе голубые глаза, гордый взглядъ—все свидѣтельствоваало о родовитости Льва Сергѣевича. Онъ былъ истиннымъ типомъ помѣщика добраго стараго времени.

Недалеко отъ него, на отоманкѣ, помѣщался сынъ хозяина, молодой человѣкъ, изысканно одѣтый, съ очень элегантною наружностью. Дмитрій поглаживалъ свою бородку и пристально смотрѣлъ на сидѣвшаго отца.

Между Чемарцевымъ и имъ только-что произошелъ разговоръ, отъ котораго ни тотъ, ни другой не могли еще оправиться. Сынъ первый прервалъ молчаніе.

— Я думаю, папа, что вамъ лучше не касаться такихъ вещей, которыя не только разстраиваютъ васъ, но дурно вліяютъ на здоровье. Еще если-бы вы могли чѣмъ-нибудь помочь, а то ничто не вернетъ вамъ минувшаго и не возвратитъ утраченнаго.

Чемарцевъ вздохнулъ, откинулся на спинку кресла, провелъ рукой по сѣдымъ вьющимся волосамъ и, горько усмѣхнувшись, замѣтилъ:

— Это легко сказать: „не говорить!“ Для того, чтобъ перестать изливать желчь, бушующую въ груди, нужно умереть, а я еще, къ несчастью, живу и вижу ясно, что насъ бесплодно принесли въ жертву. Прошли десятки лѣтъ, и плоды должны-бы уже оказаться. А гдѣ они? Что стало лучше? Свобода хороша, когда приносить людямъ счастье. А кому принесло благо это скороспѣлое освобожденіе? Кому стало дышаться легче? Гдѣ тѣ, благословляющіе руку, сбросившую... ха-ха! вѣковыя цѣпи? Отъ помѣщиковъ, отдававшихъ странѣ, въ тягостныя минуты, не только имущество, но и посылавшихъ проливать кровь своихъ дѣтей, не осталось ничего. Крестьяне, жившіе за помѣщикомъ, какъ за каменной стѣной, разорены и обнищали. Гдѣ дѣвались крѣпкія избы, стада скота и табуны лошадей? Теперь въ рѣдкомъ дворѣ есть коровенка, чуть не на своихъ плечахъ рабочіе тащатъ по нивамъ сохи... И это они называютъ свободой! Свобода — довольство, благополучіе, а не фантазія.

Проговоривъ это, Чемарцевъ рванулся въ креслѣ, придвинулъ его и съ ожесточеніемъ закурилъ толстую папиросу.

Дмитрій всталъ съ отоманки, прошелся беззвучно по пушистому ковру и, подойдя къ отцу, положилъ ему руку на плечо.

— Папа, это отходная, которую много разъ читали и читаютъ сотни людей. Конечно, вы правы, нельзя заглушить въ себѣ того, что преслѣду-

какъ кошмаръ, но нельзя услаждаться однимъ этимъ, а надо что-нибудь дѣлать въ духѣ, смѣнившимъ старыя вѣянія.

— Что-жъ я могу дѣлать? Что? Ужъ не ѣздить-ли на выборы, или въ земскія собранія? Нѣтъ, мой другъ, тамъ теперь не мое мѣсто. Когда я былъ предводителемъ дворянства, это былъ постъ, а теперь, увы! какое значеніе имѣетъ предводитель? Ихъ часто даже не замѣчаютъ. Бхатъ-же въ земское собраніе, сидѣть рядомъ съ моимъ бывшимъ крѣпостнымъ и, пожалуй, дожидаться, что онъ осмѣлится протянуть мнѣ руку... ха-ха! Я не хочу до этого дожить. Поддерживать знакомство... но кто тутъ живетъ? И о чемъ я могу говорить съ ними? Каждая новость раздражаетъ меня, и я чувствую, что чуждъ тому, что совершается вокругъ. Для меня остались только: мой кабинетъ и письменный столъ. Здѣсь я въ обществѣ гигантовъ-классиковъ, философовъ, пессимистовъ, умѣвшихъ бичевать нашу мелочность и тупость. Въ своихъ мемуарахъ я воспроизвожу жизнь прошлаго и переживаю тѣ дни, когда зналъ спокойствіе и счастье. Послѣ моей смерти появятся мои записки, и тогда многое узнается такого, о чемъ не додумались реформаторы. Если-бъ они насъ призывали... о! если-бъ они насъ призывали тогда! Можетъ-быть, теперь было-бы не то, что есть.

Дмитрій Львовичъ, видя, что на отца нашло обычное раздраженіе, не мѣшалъ ему высказаться, и ждалъ момента, когда можно будетъ приостановить озлобленнаго крѣпостника.

— Папа, вы это не въ первый разъ говорите, но я опять повторю, что все дѣлается по извѣстнымъ

невидимымъ предначертаніемъ, чего никто предотвратить не можетъ.

Чемарцевъ не возражалъ и опять задумался. Въ кабинетѣ наступило маленькое молчаніе, послѣ котораго Левъ Сергѣевичъ, измѣнивши тонъ, обратился къ сыну.

— Удѣлко, довольно о прошломъ. Я хочу говорить о тебѣ. Въ твои лѣта человѣкъ долженъ думать о карьерѣ.

— Да, мнѣ пора подумать о себѣ. Я былъ въ школѣ правовѣдѣнія, и, по болѣзни, не кончивъ курса, я нѣсколько лѣтъ прожилъ за-границей. Пропустивъ лучшее время, я, конечно, испортилъ свою будущность. Это приводило меня въ отчаяніе. Желать и не получать, видѣть и не достигать, считать себя способнымъ и завидовать баловнямъ судьбы—состояніе отвратительное. При такихъ милыхъ ощущеніяхъ даже видъ океана наводилъ на меня тоску, и красоты природы потеряли всякую цѣну. Слабые люди въ подобныя минуты дѣйствуютъ очертя голову и доходятъ до того, что выдаютъ даже фальшивые векселя. Но я—Чемарцевъ, а въ насъ честь—фамильное качество. Это удержало меня отъ паденія. Я вернулся домой вашимъ достойнымъ сыномъ, чтобъ жить по-человѣчески, а не быть тунеядцемъ, отщепенцемъ отъ родины.

Левъ Сергѣевичъ самодовольно смотрѣлъ на сына и, когда онъ кончилъ, мягко заговорилъ:

— Одобряю, но объ одномъ прошу, не спрашивай моего совѣта, что тебѣ дѣлать. То, что я скажу, можетъ не понравиться, а мнѣ тяжелы всякія препирательства. Я увѣренъ, что ты и теперъ не сдѣ-

лаешь ничего предосудительнаго; вотъ, что меня успокаиваетъ; остальное мнѣ все равно. До того времени, когда ты возвысишься, я не доживу. Благодарю Бога за то, что ты, какъ добрый и честный сынъ, не отравляешь мнѣ послѣднихъ дней, какъ это дѣлали и дѣлаютъ многія дѣти. Я не оставляю тебя и буду давать изъ послѣднихъ моихъ крохъ сто рублей въ мѣсяцъ. Довольно-ли этого?

— О, да. Только еще... для моихъ первыхъ шаговъ... я попросилъ-бы у васъ нѣкоторую сумму.

— Я и въ этомъ не могу отказать тебѣ.

Дмитрій поклонился и горячо поцѣловалъ отца въ щеку.

Левъ Сергѣевичъ опять вошелъ въ экстазъ.

— Не такъ я награждалъ твоего брата и сестру отъ моего перваго брака. Ты несчастливѣе ихъ, но зато я люблю тебя больше, чѣмъ тѣхъ, и, смотря въ твое милое лицо, во мнѣ какъ-будто немного затихаетъ озлобленіе.

Въ дверяхъ показалась Клеопатра Ильинична Чемарцева, полная женщина, очень сохранившая свою свѣжесть. Увидя, что Дмитрій держитъ отца за плечо и за руку, она подошла къ нимъ и, остановясь близко, сказала:

— Очень рада, что вашъ споръ окончился миролюбиво. У насъ это, обыкновенно, не часто случается.

— Да, не часто, потому что вы не умѣете относиться ко мнѣ.

Чемарцева хотѣла что-то возразить, но Дмитрій одѣлалъ ей знакъ, и она промолчала.

— Сколько-же времени ты пробудешь у насъ?—
обратилась она къ сыну.

— Во-первыхъ, сколько проживется, а во-вторыхъ,
когда отпустите.

— Вотъ вы ступайте и сговоритесь, — обратился
къ нимъ Чемарцевъ.—А меня оставьте, я усталъ и
хочу полежать.

Выйдя изъ кабинета, мать и сынъ пошли въ го-
стиную и усѣлись на двусторонней кушеткѣ.

— Ты очень стѣснилъ себя условіемъ: когда
мы „отпустимъ“. У насъ тутъ такой склепъ, изъ
котораго каждому захочется поскорѣе вырваться.

— Какъ тяжело, что я не могу измѣнить того,
что вижу дома. А между тѣмъ, какъ тутъ хорошо
и привольно.

Дѣйствительно, большая свѣтлая комната, обстав-
ленная антикварными вещами и чудными цвѣтами,
не походила на склепъ. Картины и фамиліные пор-
треты, смотрѣвшіе со стѣнъ, не напоминали ничего
мрачнаго, а, напротивъ, какъ-бы свидѣтельствовали
о томъ, что жизнь не угасла еще въ старомъ бояр-
скомъ гнѣздѣ; затворничество, которому подвергалъ
себя хозяинъ, было лишь проявленіемъ болѣзнен-
наго недовольства, явившагося слѣдствіемъ реформы,
сбившей съ позиціи стараго помѣщика.

Чемарцевъ принадлежалъ къ одной изъ родови-
тѣйшихъ фамилій въ губерніи. Оставшись един-
ственнымъ наслѣдникомъ своего отца, извѣстнаго
богача, Левъ Сергѣевичъ получилъ въ собственность
нѣсколько большихъ имѣній и солидный капиталъ.
Положеніе, въ которое онъ сталъ, накладывало на
него, передъ его сословіемъ, обязательства поддер-

живать престижъ и быть представителемъ дворянства. Видя отъ всѣхъ исключительное вниманіе и почетъ, Чемарцевъ развернулся, что называется, во всю, и домъ его сдѣлался мѣстомъ, гдѣ пиръ смѣнялся охотой, охота баломъ и вечера домашними спектаклями. Жена его, Клавдія Петровна, какъ вполнѣ свѣтская женщина, думала только о пріемахъ и выѣздахъ и не умѣла заглянуть въ будущее.

Левъ Сергѣевичъ на первыхъ-же выборахъ былъ избранъ уѣзднымъ предводителемъ, что еще больше усилило его обаяніе. У Чемарцевыхъ родились двое дѣтей; это придало интересъ жизни, и она шла какъ въ чадѣ. Казалось, ничто и никогда не измѣнится. Но ликвидація приближалась. Шли сначала толки объ освобожденіи крестьянъ, а потомъ о работахъ по великой реформѣ объявлено было официально. Ожидаемое шло такъ въ разрѣзъ со складомъ жизни, охватившимъ сливки русскаго общества, помѣщиковъ, что никто изъ нихъ не могъ даже приготовиться къ роковому удару. Чемарцевъ въ это время былъ губернскимъ предводителемъ и состоялъ въ числѣ ярыхъ противниковъ эмансипаціи. Мнѣнія, высказанныя имъ по этому предмету, обратили на себя вниманіе, и Льва Сергѣевича обогнали, когда призывали людей для обсужденія социальнаго переворота. Это было обидой, и Чемарцевъ ранѣе окончанія срока отказался отъ званія предводителя.

Когда вышло положеніе о крестьянахъ, Левъ Сергѣевичъ пришелъ въ неистовство и не пожелалъ, чтобы при немъ новыя отношенія вошли въ жизнь. Онъ съ женой и дочерью немедленно уѣхалъ

за границу, сынъ же, въ качествѣ адъютанта при одномъ изъ видныхъ генераловъ, остался на родинѣ.

Какъ прежде радостно перепархивали Чемарцевы изъ одной западной столицы въ другую и какъ Парижъ представлялся Эдемомъ, такъ теперь угрюмо все смотрѣло на добровольныхъ изгнанниковъ. Вокругъ себя онъ слышалъ хвалебныя гимны Царю-Освободителю и похвалы помѣщикамъ за то, что они такъ героически исполняли волю великаго монарха. Только онъ одинъ, оторванный отъ родины и избѣгавшій бесѣды о ней съ гражданами чужой страны, и находилъ утѣшеніе въ томъ, что среди своей семьи громилъ новые порядки и пагубную свободу. Въ такомъ томительномъ напряженіи прошли нѣсколько лѣтъ. Управляющій, оставленный вводить уставныя грамоты и завѣдывать хозяйствомъ, изъ всего выжималъ, чтобъ удовлетворять владѣльца. Но Левъ Сергѣевичъ видѣлъ, что о тѣхъ кушахъ, которые онъ получалъ раньше, нельзя и мечтать.

Неудачи, преслѣдующія человѣка, идутъ непрерывной цѣпью. Такъ было и съ Чемарцевымъ. Сначала дочь его, вышедшая замужъ за француза, умерла отъ неблагополучныхъ родовъ, потомъ сынъ палъ въ одной изъ стычекъ въ дѣлѣ съ ташкентцами, а затѣмъ отъ горя отошла въ вѣчность и Клавдія Петровна. Оставшись бобылемъ, Левъ Сергѣевичъ окончательно растерялся. Если онъ недоволенъ былъ тѣмъ, что совершалось на родинѣ, то и жизнь на чужбинѣ безъ близкихъ людей не могла привлекать его. Онъ рѣшилъ возвратиться домой и анахоретомъ поселиться въ своемъ Васильевскомъ.

Для его приѣзда все было приведено въ порядокъ, и долго отсутствовавшій помѣщикъ водворился на старомъ пепелищѣ. По возвращеніи Левъ Сергѣевичъ сталъ вести себя нѣсколько странно. Онъ прогуливался по полямъ, или шелъ въ рощу, а за нимъ слѣдовалъ лакей, несшій складной стулъ, книгу, питье и большую черешневую трубку для куренія. Пребывая же въ домѣ, Чемарцевъ изрѣдка заглядывалъ въ пріемные апартаменты, а больше сидѣлъ въ кабинетѣ, зарывшись въ груды книгъ. Домомъ завѣдывала женщина среднихъ лѣтъ, вышедшая изъ его же крѣпостныхъ дворовыхъ.

Нѣкоторые сосѣди старались проникнуть въ обиталище отшельника, но всѣмъ приѣзжавшимъ лакей докладывалъ опредѣленно, что баринъ по случаю нездоровья не принимаетъ.

Стѣны этого неприступнаго замка рушились совершенно неожиданно. Разъ къ крыльцу Васильевскаго дома подъѣхалъ тарантасъ и изъ него вышли почтенныхъ лѣтъ полный господинъ. Лакей, встрѣтившій приѣзжаго, пытался произнести обычную фразу, что, молъ, баринъ по случаю болѣзни не принимаетъ, но Илья Андреевичъ Шевердинъ не далъ договорить ее и, устранивъ рукой слугу, проговорилъ.

— Другихъ не приметь, а меня приметь.

Сказавъ это, онъ обернулся къ сидящей въ экипажѣ дѣвушкѣ:

— Ты, мой дружокъ, посиди тутъ, а я пойду сначала одинъ повидаюсь съ нимъ.

Сбросивъ пальто, Шевердинъ твердой поступью прошагалъ залу, гостиную и остановился у давно

знакомаго ему кабинета. Распахнувъ двери и увидя хозяина, погруженнаго въ чтеніе, Илья Андреевичъ громко проговорилъ:

— Другъ, неужели ты и отъ меня можешь сторониться?

Левъ Сергѣевичъ приподнялся и, увидѣвъ чело-
вѣка, съ которымъ провелъ много отрадныхъ дней,
не могъ удержать волненія, и горячо обнялъ во-
шедшаго.

II.

Люди, встрѣтившіеся послѣ долгой разлуки, со-
вершенно не походили одинъ на другого. На Че-
марцевѣ лежала печать недовольства, раздраженія, а
веселый безпечный видъ Шевердина показывалъ,
что по этому человѣку все пробѣгаетъ вскользь, не
оставляя глубокихъ слѣдовъ. Его широкое лицо
лоснилось, большіе глаза добродушно смотрѣли, и
улыбка не сходила съ устъ.

— Послѣ такой встрѣчи я, братецъ, долженъ ска-
зать тебѣ, что заѣхалъ не одинъ, со мной дочка,
которую ты, надѣюсь, пойдешь самъ звать къ себѣ.

Чемарцевъ, не измѣнявшій своимъ привычкамъ
и ежедневно надѣвавшій крахмальное бѣлье и, какъ
вольность, носившій шелковый халатъ, сбросилъ его
и, приказавъ подать жакетъ, направился къ экипа-
жу, гдѣ находилась Клеопатра Ильинична.

Дѣвушка поблагодарила за гостепріимство и спорх-
нула съ подножки тарантаса.

Поддерживая ее за руку, когда она входила по
лѣстницѣ, Левъ Сергѣевичъ досадовалъ, что въ домѣ